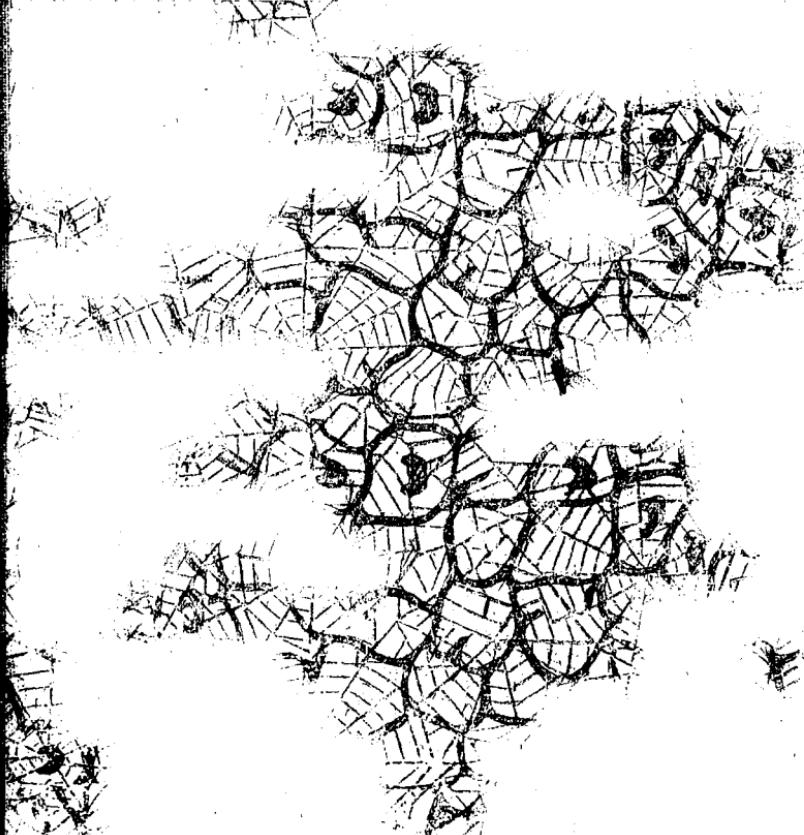

F 68
75

Кригика
ПОКАТНЯ СВОБОДЫ
ВОЛН

f 68
75

КРИТИКА

ПОНЯТИЯ СВОБОДЫ ВОЛИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОНЯТИЕМЪ ПРИЧИННОСТИ.

Н. Я. ГРОТА,

ПРЕДСЪДАТЕЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Извлеченіе изъ „Трудовъ Моск. Психол. Общества.“

МОСКВА.

Типографія А. ГАТЦУКА, Никитский бульв., собственный домъ.

1889.

Дозволено цензурою. Москва, 17 октября, 1889 года.

2007237440

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стран.</i>
Вступленіе.	V—XVI
1. Методъ изслѣдованія вопроса	I
2. Определеніе понятій воли и свободы воли.	14
3. Отношеніе понятій причины и дѣйствія, основанія и слѣд- ствія, мотива и дѣйствія	23
4. Анализъ идеи мотивации и происхожденіе понятія причинности 29	
5. Анализъ процесса воспріятія и значеніе самосознанія въ рѣшеніи вопроса объ источникахъ актовъ воли.	40
6. Степень зависимости актовъ воли отъ воспріятій	56
7. Основной источникъ влеченій и желаній	62
8. Второй источникъ желаній и вытекающая изъ него свобода воли.	76
9. Общее ограниченіе свободы воли.	85
10. Положенія къ реферату	97—106

КРИТИКА

ПОНЯТИЯ СВОБОДЫ ВОЛИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОНЯТИЕМЪ ПРИЧИННОСТИ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Изслѣдуя природу всѣхъ вещей,
они устраниютъ причину движенія
(περὶ πάντων φυσιογοῦντες, τὸ
τῆς κινήσεως αἴτιον ἀναφέοντες).

Аристотель (*Метафизика I, 8*).

Въ теченіе многовѣковой напряженной дѣятельности, въ борьбѣ съ слѣпыми силами природы и несо-

*) Настоящая статья составляетъ переработку реферата, читаннаго авторомъ въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ 25 Февраля 1887 г. и значительно исправленного и дополненнаго, въ связи съ возраженіями, которыя были ему сдѣланы. Нѣкоторое вліяніе на дальнѣйшее развитіе воззрѣній автора по разсматриваемому здѣсь вопросу оказали и слѣдовавшіе затѣмъ рефераты о томъ-же предметѣ его товарищей, -- особенно Л. М. Лопатина, со многими положеніями котораго авторъ согласенъ. Возраженія, сдѣланныя авторомъ на эти рефераты, вошли органически въ составъ предлагаемой читателямъ статьи.

вершенствами собственной физической организації, человѣческій духъ успѣлъ сдѣлать рядъ цѣнныхъ пріобрѣтеній, въ смыслѣ глубокихъ идей и возвышенныхъ идеаловъ, способныхъ поддерживать крѣпость его нравственной энергіи и болро вести его на пути къ новымъ успѣхамъ и побѣдамъ. Трудно обозрѣть всѣ великия завоеванія его въ процессѣ познанія міра и самопознанія. Но достаточно припомнить тѣ самыя общія понятія, которыя дала ему философія послѣднихъ двухъ съ половиною тысячелѣтій, чтобы признать, что духовная жизнь человѣчества могла бы богато и мощно расцвѣсть на ихъ плодотворной почвѣ. Таковы, во первыхъ, идеи безконечной вселенной и вѣчного мірового разума, ею управляющаго, — идеи инертной матеріи и самостоятельнаго духовнаго начала, дающаго ей жизненность, — идеи неисчерпаемой силы человѣческаго знанія и творчества, свободы личной воли человѣка, бессмертія человѣческой души; затѣмъ—идеалы истины, добра и красоты, какъ общіе свѣточи духовнаго существованія человѣка,—нравственнаго долга, самоотреченія и самообладанія, — любви, самопожертвованія и справедливости, какъ основанія личной и общественной жизни разумныхъ существъ...

Повидимому однихъ этихъ началь достаточно, чтобы дать человѣку твердую опору въ его жизни на землѣ и обезпечить ему спокойное и разумное существованіе и развитіе, въ видахъ безконечнаго усовершенствованія его духовной сущности. Однако, человѣческій духъ въ себѣ самомъ носитъ ядъ, способный отравить его душевный миръ и ослабить его духовную мощь. И

самъ онъ создаетъ то магическое слово, которое разрушаетъ на время смыслъ всѣхъ упомянутыхъ пріобрѣтеній. Этотъ ядъ — *сомнѣніе*, это слово — *иллюзія*. А если всѣ тѣ великия идеи и высокіе идеалы — не реальные факты и силы, а только красивыя и громкія слова? А если всѣ эти дары самопознанія — простыя иллюзіи, обманы воображенія? Сколько разъ воображеніе сбивало съ толку человѣка, — во что онъ только не вѣрилъ, чего не допускалъ? Весь міръ былъ населенъ для него духами, привидѣніями, богами, которые оказались впослѣдствіи изобрѣтеніями его фантазіи. И гдѣ же мѣра ея произволу? Гдѣ ручательство, что всѣ упомянутыя выше невидимыя блага дѣйствительно существуютъ?

Сомнѣніе, порождающее эти вопросы, есть плодъ мышленія, т. е. сравниванія, сужденія и умозаключенія. Въ томъ-же мышленіи есть и противоядіе сомнѣнію — *строгая критика понятій*, ихъ источниковъ, ихъ значенія и степени реальности ихъ предметовъ.

Критика понятій есть единственный возможный путь къ окончательному устраненію иллюзій, или къ возстановленію идей, неправильно заподозрѣнныхъ. И эту задачу пытались выполнить философы такъ-называемой „критической школы“, путемъ изслѣдованія познавательныхъ процессовъ человѣка,—источниковъ и предѣловъ его познавательныхъ способностей.

Первые теоретическія сомнѣнія относительно объективнаго значенія нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ общихъ понятій были предъявлены и строго формулированы англійскими мыслителями: Локкомъ въ концѣ XVII в., Беркли—въ началѣ, и Юномъ—въ половинѣ XVIII сто-

лѣтія. Сомнѣніе первого касалось еще только вопроса о прирожденности человѣческой душѣ какихъ-либо отвлеченныхъ понятій и возможности пріобрѣсти какія-либо идеи виѣ опыта; изслѣдованіе же элементовъ опыта приводило, повидимому, къ убѣжденію, что для нѣкоторыхъ изъ отвлеченныхъ идей человѣка въ опытѣ нельзя найти достаточного материала. Сомнѣніе второго касалось уже вообще возможности признать особое реальное значеніе за понятіями ума виѣ ощущеній, ихъ всецѣло составляющихъ,—а также возможности доказать реальное существованіе матеріи, какъ самостоятельнаго бытія. Наконецъ, сомнѣніе Юма относилось въ особенности къ основнымъ метафизическимъ понятіямъ субстанції (сущности) и причинности, которая онъ подвергъ строгой критикѣ, стараясь прослѣдить ихъ психологическое происхожденіе, при чёмъ конечный выводъ его философіи заключался въ томъ, что эти понятія въ ихъ обыкновенномъ объективномъ значеніи употребляются нами незаконно и неправильно. Никакихъ дѣйствительныхъ сущностей вещей и причинъ мы знать не въ состояніи. Наши идеи суть лишь слабыя отраженія нашихъ впечатлѣній. Впечатлѣнія соотвѣтствуютъ виѣшнимъ перемѣнамъ и ихъ преемствамъ. Идеи субстанціи и причинности суть выраженія субъективныхъ дѣйствій нашего ума, его привычекъ—группировать впечатлѣнія около извѣстнаго центра и связывать ихъ въ постоянныя преемства по психологическимъ законамъ ассоціаціи.

Кантъ взялся провѣрить утвержденія Юма и прішелъ въ своей „Критикѣ чистаго разума“ къ тому

еще болѣе отрицательному результату, что всѣ объективныя явленія міра, познаваемыя путемъ опыта, виѣшняго и внутренняго, суть только наши воспріятія, располагаемыя въ извѣстныя соотношенія, согласно субъективнымъaprіорнымъ формамъ воспріятія и мышленія. Не только отвлеченные идеи субстанціи и причинности, реальности и нереальности, множества и единства, возможности, дѣйствительности, необходимости и др. под., но и конкретныя представления пространства и времени суть субъективныя формы нашей познавательной дѣятельности. Что-же касается до наиболѣе общихъ метафизическихъ идей, каковы идеи Бога, бессмертнаго духа, свободы воли, то онѣ—лишь субъективныя попытки конечнаго объединенія или синтеза всѣхъ явленій опыта, и потому—какъ объективныя идеи, соотвѣтствующія реальнymъ началамъ, не имѣютъ никакого теоретическаго значенія и не могутъ быть признаны законными. Правда, Кантъ пытался затѣмъ въ „Критикѣ практическаго разума“ доказать ихъ практическую цѣну, оправдать необходимость вѣры въ существованіе соотвѣтствующихъ имъ объективныхъ началъ и отношений, во имя *нравственныхъ* требованій человѣческаго сознанія, и придумалъ для ихъ реализаціи особый умопостигаемый міръ „вещей въ себѣ“, лежащий за предѣлами „опытнаго міра явленій“ и въ реальномъ бытіи котораго нась косвенно убѣждаетъ именно наше нравственное самосознаніе... Но этотъ опытъ въстановленія на практической почвѣ реальностей, отвергнутыхъ критикою теоретическаго разума и признанныхъ „теоретически“ непознаваемыми, никого не удов-

летворилъ, и вся послѣдующая философія — послѣ-кантовская философія нашего XIX в.—является выражениемъ двойного предположенія, а именно: или что Кантъ покривилъ душою и не захотѣлъ дойти до конца въ безпощадной критикѣ метафизическихъ началь, какъ чистѣйшихъ фикцій нашего сознанія, находящагося подъ властью чувствъ и субъективныхъ влечений, къ услугамъ которыхъ всегда во время является воображеніе,—или-же, что вся его критика понятій въ основаніяхъ своихъ неправильна и что её необходимо начать съизнова.

Сначала преобладало второе убѣжденіе и былъ сдѣланъ рядъ опытовъ теоретического возстановленія объективнаго значенія тѣхъ понятій, которыя были обезцѣнены Кантовскою „Критикою чистаго разума“. Но когда всѣ эти попытки обновленія метафизики въ системахъ первыхъ нѣмецкихъ идеалистовъ и реалистовъ послѣ Канта оказались несостоятельными, въ виду произвольности приемовъ и туманности результатовъ, то возобладали ученія представителей первой точки зренія, — ученія поклонниковъ „Критики чистаго разума“, утверждавшихъ, что Кантъ въ существѣ дѣла былъ правъ, что основные выводы его „Критики чистаго разума“ непоколебимы, но что онъ не дошелъ, однако, до конца въ своихъ умозаключеніяхъ, и что, если и не хотѣлъ сознательно покривить душою, возстановляя въ своей „Критикѣ практическаго разума“ реальное значеніе метафизическихъ иллюзій человѣческаго разума, то все-же, по слабости человѣческой природы, уступилъ подъ старость обольстительному обаянію этихъ иллюзій.

Во главѣ мыслителей, пытавшихся исправить Канта въ только - что указанномъ смыслѣ, стоитъ Шопенгауэръ со своей школой, и мы всѣ знаемъ, какія грустныя, безотрадныя перспективы открылись предъ человѣческимъ умомъ въ системахъ пессимистовъ, окончательно раздѣлавшихся со всѣми предполагаемыми отвлечеными иллюзіями, — съ идеями мірового разума, бессмертнаго духа, личной свободной воли. Единственная реальная сила, движущая міромъ по закону механической необходимости, есть инстинктъ самосохраненія, бессознательная воля къ жизни, приходящая на высотѣ своего развитія и самосознанія къ своему же собственному отрицанію, къ идеалу саморазрушенія и самоумерщвленія. Идеи Бога, духа, личной свободы — продукты фантазіи. Въ мірѣ явленій царствуютъ мракъ, слѣпые инстинкты, бессмысленная необходимость.

Мы не излагаемъ ту или другую систему, отдельно взятую, но выражаемъ общий духъ современного міровоззрѣнія, которое въ разныхъ формахъ подноситъ намъ: материализмъ, атеизмъ, фатализмъ и пессимизмъ, иногда—въ видѣ утѣшенія—бросая на траурную колесницу вѣковыхъ идеальныхъ вѣрованій человѣчества искусно сплетенные вѣнки надеждъ на какое-то соціальное возрожденіе, будущее всеобщее равенство въ наслажденіи эфемерными благами земного существованія, безболѣзненное и для всѣхъ одинаково пріятное мерцаніе жизни на землѣ,—до той поры, пока—или по законамъ астрономическихъ переворотовъ не потухнетъ солнце и не замерзнетъ земля,—или человѣ-

чество, вполнѣ созрѣвшее и образумившееся, не вѣдумаетъ само добровольно прекратить тѣмъ или другимъ способомъ глупую шутку, называемую жизнью.

Однако спросимъ себя по совѣсти: могутъ-ли быть прочны надежды на блага жизни, общій и высшій смыслъ которой вполнѣ утраченъ? Если ужъ гдѣ-нибудь умѣстно слово *иллюзія*, то именно для обозначенія всѣхъ тѣхъ эфемерныхъ уг҃щеній, которыми обманываютъ себя люди, похоронившіе вѣру въ высшія начала жизни, въ абсолютный смыслъ идей истины, добра и красоты, въ реальное значеніе противоположности духа и матеріи, въ дѣйствительность царства Бога или вѣчнаго разума во вселенной, въ существованіе бессмертной души и свободной воли. Весь ихъ „прогрессъ человѣчества“ есть безцѣльное толченіе воды, ихъ „альtruизмъ“ — наивный самообманъ, ихъ „идеалы“ — горькая иронія, ибо позади всѣхъ этихъ словъ, которыми они ограждаютъ свое душевное спокойствіе, виденъ зловѣщій призракъ небытія, — стихійное царство „хаоса“.

Если они еще и живутъ и все-таки на что-то надѣются, то развѣ потому, что вѣра въ высшія начала жизни утрачена ими часто только на словахъ, а въ глубинѣ души они все-таки сомнѣваются въ безошибочности результатовъ произведенной донынѣ научной и философской критики понятій и продолжаютъ, по своему, поклоняться Высшему разуму, надѣяться на бессмертіе своего духа, вѣровать въ абсолютное добро и въ свою духовную свободу. Только эта „двойная бухгалтерія души“ ихъ и поддерживаетъ и, къ сожалѣнію или

къ счастью, за очень рѣдкими исключеніями, большинство материалистовъ, атеистовъ и фаталистовъ нашего вѣка только потому уклоняется отъ безотрадныхъ выводовъ пессимизма, что принадлежить именно къ числу людей, обладающихъ двумя міровоззрѣніями — однимъ показнымъ, такъ называемымъ научнымъ, и другимъ—тайнымъ, традиціоннымъ, для собственного домашняго обихода, на случай первого несчастія, которыхъ въ жизни такъ много, на случай болѣзни или смерти близкаго человѣка, собственныхъ серьезныхъ недуговъ, неожиданныхъ неудачъ жизни и т. д., когда они невольно измѣняютъ своему обычному знамени и робко склоняются предъ Высшою силою. Такое безсознательное двоедушіе въ наше время очень распространено и составляетъ главное зло нашей современной жизни. Оно поддерживаетъ и силу ошибочныхъ отрицательныхъ учений и силу многихъ предразсудковъ и суевѣрій.

Главная задача философіи бороться съ этой раздвоенностью духа и стремиться возвратить человѣчество къ внутренней цѣльности и единству міровоззрѣнія и нравственной жизни вообще. Считать критику понятій оконченною серьезная философія не въ правѣ уже потому, что эта критика только сто лѣтъ тому назадъ началась въ той вполнѣ сознательной и отчетливой формѣ, которую можно признать заслуживающею вниманія. Кантъ только намѣтилъ путь этой критики, но далеко не осуществилъ ее на дѣлѣ. Онъ самъ ужаснулся бы тѣхъ опустошеній, которыя она произвела въ умахъ людей XIX в., если-бы могъ ихъ предвидѣть. Не же-

ланіе обмануть другихъ и не наивный самообманъ заставили его въ „Критикѣ практическаго разума“ попытаться возстановить объективное значеніе высшихъ идей, отвергнутое въ „Критикѣ чистаго теоретического разума“, а природный здравый смыслъ и любовь къ истинѣ. Онъ добросовѣстно старался исправить односторонность своей первой критики. Но онъ не сознавалъ, что нѣтъ существеннаго различія между разумомъ теоретическимъ и практическимъ. Разумъ есть вообще *теоретическая способность, идеи всѣ—„теоретическая кія“ идеи.* Основная ошибка Канта состояла въ произвольномъ разграничениі сферъ разума, въ произвольномъ разсѣченіи интеллектуальной природы человѣка, а вмѣстѣ съ нею и всего идейнаго міра его, на двѣ противоположныя и какъ-бы непримирамыя области. Этимъ „идеальнымъ“ дуализмомъ онъ на время поколебалъ прежній болѣе здравый реальный дуализмъ матеріальнаго и духовнаго міра и подготовилъ тотъ внутренній разладъ, отъ которого такъ тяжко страдаетъ современная личность. И однако нѣтъ и не можетъ быть рѣзкой пограничной черты между предметами вѣры и предметами знанія. Кантовская критика понятій заключала въ себѣ рядъ ошибокъ и недоразумѣній, основанныхъ на недостаточной глубинѣ психологическаго анализа. Тѣ-же, и отчасти еще болѣе грубыя, психологическія ошибки допустилъ и закрѣпилъ своей остроумной системой Артуръ Шопенгауэръ.

Всего яснѣе и нагляднѣе эти ошибки обнаруживаются въ ученіяхъ Канта и Шопенгауэра о *свободѣ воли.* Сущность этихъ учений сводится къ тому, что